Могу я тебе кое-что сказать? Мне неловко, что ты всегда так реагируешь на поцелуй. Но это нужно для того, чтобы я построила замок.

Его большие красные глаза уставились на мои полуулыбающиеся.

Я не знала, почему он вдруг снова показался мне измученным. Он был очень странным. Такой странный.

Почему ты продолжаешь так смотреть на меня? Как будто тебе больно.

— Я рад, что тебе нравится.

Голос, прозвучавший через долгое время, был хриплым. Айзек вернулся к своему первоначальному надменному лицу, опустил меня на скамейку неподалеку и сел рядом.

Под лунным светом сияло множество роз.

Я почувствовала, что задыхаюсь от их сладкого аромата. Мне не хотелось снова молчать, поэтому я тихо произнесла:

— Эллен говорит, что ей больше всего нравятся лилии, а какой твой любимый цветок?

— Жаворонок Сикстины.

Что? Я растерялась.

Это было неудивительно, потому что это было одно из самых известных прозвищ для меня, но я была ошеломлена, как только Айзек выпустил эти слова из своего рта, как будто мой секрет был раскрыт.

— Почему тебя называют Жаворонком Сикстины?

Сидя на скамейке и заведя одну руку за спину, Айзек казался особенно красивым, возможно, из-за лунного света.

А может, из-за одежды. Он был похож на соперника Бога, который пришел разобраться с детьми павшего Папы.

— Я не знаю. Думаю, когда я была маленькой, я пела на дне рождения своего старшего брата и получила это имя… Это такое забавное прозвище.

Жаворонок Сикстины, или ангел, или что-то в этом роде — такие имена давали люди моего отца.

Я ненавидела эти чертовы прозвища. Я не знала, что подумала бы настоящая Рудбекия.

— Ты, должно быть, хорошо поешь.

— Я такая же, как и другие. В Южном…

— Ты боишься черепах?

О нет. Раз уж я показала тебе такую свою сторону, то было естественно, что ты спросил об этом. Но нужно ли было задавать этот вопрос прямо сейчас?

— Я не настолько сильно их боюсь, как ты мог подумать.

— Должно быть, произошел какой-то инцидент, чтобы ты испугалась даже украшения в виде этого животного.

Был инцидент. В моей предыдущей жизни.

В прошлой жизни я боялась черепах с тех пор, как увидела, как рыбу, которую мне подарили на двенадцатый день рождения, съела домашняя черепаха моего старшего брата.

Моя семья считала мою фобию очень жалкой.

И вот… А также из-за золотой черепахи, которую Чезаре купил мне в качестве сувенира.

У меня во рту пересохло, когда я вспомнила, что тогда произошло. Я не должна была показывать свою боязнь. Я не должна была показывать свою испуганную сущность. Это даже не было реальностью в этой жизни. Это было ничто.

— Я бы не хранил их, если бы ты сказала мне об этом заранее. Декоративная посуда из черепахи здесь довольно распространена.

Его глаза были острыми, как у змеи.

Было трудно смотреть ему в глаза, но я старалась не отводить взгляд, потому что думала, что не должна избегать его.

— Обычно меня это не волнует. Но глаза этой черепахи были настолько реальными и страшными, что я не могла...

— Это у тебя такая привычка — терпеть?

— Я немного упертая.

Вот почему я не поддаюсь твоему постоянному недоброжелательному поведению, хех.

Пока я лукаво ухмылялась, мой недоброжелательный муж изменил свои слова, видимо, не найдя ответа.

— Твоя семья.

Я чуть не прикусила язык от смеха. Все шло хорошо. Почему разговор снова зашел туда?

— Твой отец и твои братья. Что они за люди?

— Почему вдруг...

— Разве это странно, когда муж спрашивает о семье своей жены? Особенно о твоем старшем брате, с которым я скоро познакомлюсь. Я должен знать, что он из себя представляет, чтобы правильно с ним обращаться.

Семья жены. Хаха. Сомневаюсь, что мне будет приятно говорить о своей семье с мужем.

Конечно, в этом вопросе не было ничего странного. Я просто была немного смущена, потому что меня никогда не спрашивали об этом ранее.

Не считая того, что я не хотела говорить о Чезаре.

— Он не такой особенный, каким его знают. Он популярен на светских раутах, и ему больше подходит роль рыцаря, чем священника.

Чезаре винил отца за то, что тот сделал его кардиналом.

Отсутствие отношений отца с Энцо способствовало не только его детскому характеру, но и ревности.

Чезаре всегда хотел стать рыцарем. Он предпочитал сражаться на поле боя, а не помогать

отцу. По сравнению с Энцо, он был очень талантлив.

— Вы, должно быть, очень близки. Ты хочешь его увидеть?

— Совсем немного, — я склонила голову. Спокойный взгляд над моей головой был тревожным.

— Полагаю, ты не в восторге от своей семьи.

— Это не так.... Отныне это мой дом. Моя семья — это не та тема, которую все любят обсуждать.

— Все? Я — часть этого каждого?

http://tl.rulate.ru/book/96827/2412954